

НАСЛЕДНИЦА КУРМАНГАЗЫ

Павел КУЗНЕЦОВ

Утром, когда тысячи людей спешат на работу по зеленым улицам казахской столицы, через старинный парк, шумящий ветвями многолетних деревьев, медленно идет спокойной, осанистой походкой старая женщина.

На ее плечах широкий бешмет темного бархата, обшитый парчевой каймой, а высоко поднятую голову венчает пышный белоснежный убор.

Горожане издали узнают и почтительно приветствуют народную артистку республики, любимицу Казахстана — композитора Дину.

В руках ее легкая, двухструнная домбра. Дина идет, окруженная молодыми казахскими девушками, к дверям государственной филармонии. Старейший деятель казахского искусства вместе со всем народом начинает трудовой день.

Ей 87 лет. Но Дина неутомима. Свой могучий талант, воспитанный народом, она с любовью отдает молодому поколению...

Я впервые встретил Дину в один из мягких июньских вечеров, когда на ледниковых вершинах Талгарского пика остывали последние краски багряного заката и степь отдыхала от дневного зноя.

Это было в ауле Джамбула. В просторной юрте поэта пенился ароматный кумыс, ярко горела электрическая лампочка.

Дина смотрела на голубой абакжур. Одухотворенное лицо ее, испещренное глубокими морщинами долгой, трудной жизни, и большие, темные, не потерявшие лучистого блеска глаза, казалось, говорили:

— Мы пришли в этот новый, открытый Сталиным мир из вечного дыма очагов, из нищеты и голода безрадостных кочевий!

В тот вечер Дина рассказала мне историю своей жизни.

Она родилась в широких степях Казахстана в 1861 году в семье кочевника-скотовода Нурпеиса.

— Детство прошло в голоде, юность — в слезах. Отец пас байские табуны, оберегал их от волчьих стай и кочевал вместе с семьей за хозяйскими отарами, не зная ни сна, ни отдыха, ни покоя.

Единственной радостью в нашей дымной кибитке была домбра. Отец с ней не расставался. Задуманные мелодии длинных, как степь, и прекрасных, как бег серны, песен — вот все богатство, которое только и мог передать он, вечный скиталец-пастух, в наследство своим детям...

Дина пристрастилась к музыке с малых лет. Чутким ухом улавливала она мелодии, и домбра нежно пела под легкими ударами ее детских пальцев.

Однажды летом по степям проезжал знаменитый казахский композитор Курмангазы. Остановив коня у юрты пастуха Нурпеиса, он слез с седла и, как зачарованный,

Народная артистка Казахской ССР композитор Дина Нурпеисова.

застыл у входа, весь обратившись в слух.

Из юрты до ушей его доносились тихие звуки домбры. Искусное исполнение мелодий, каких еще не слышал и сам прославленный композитор степей, поразило его. Еще большим было удивление Курмангазы, когда он увидел исполнителя этих мелодий, смуглую девушку, почти ребенка, одетую в рубище из бараньих шкур.

С этого часа великий старик стал учителем Дины. Он открыл ей тайны своего искусства. Создатель

бессмертных произведений казахской народной музыки посвятил талантливой девушке лучшие из своих творений: «Бушующий вал» и «Желтую степь».

Дина в совершенстве постигла искусство Курмангазы. В 20 лет она слыла уже выдающейся исполнительницей-домбристкой, а мелодии, сочиненные ею, о горькой жизни бедняков, полные страстного гнева и ненависти к угнетателям, передавались из аула в аул, из кочевья в кочевье.

Дина исполняла эти мелодии в

дымных станах пастухов, в юртах степной бедноты, в зимовках мергенов-охотников, и вся степь внимала им.

Но настоящую славу и всенародное признание дочь безвестного пастуха Нурпеиса получила в дни, когда Великая Октябрьская революция пришла в степь.

Любимице народа исполнилось тогда уже 56 лет. Она встретила революцию радостным, торжественным гимном «Семнадцатый год». Партии большевиков, ее вождям Ленину и Сталину, великой дружбе народов были посвящены новые, пламенные творения Дины.

Мелодии, сочиненные казахской женщиной-композитором, переложены на ноты, записаны на патефонные пластинки, полетели в эфир, и домбра Дины зазвучала по всей необъятной Советской стране.

На 78-м году своей жизни Дина, наследница немеркнущего таланта Курмангазы, приехала в Москву. Столица тепло и приветливо встретила дорогую гостью, произведения которой получили высокую оценку строгих критиков. Мелодии «Аксем-Коныр» — о прошлом и настоящем казахской женщины, «Жер-Уюк» — о земле обетованной, исполнялись Диной с таким мастерством, какого со времен Курмангазы не знал ни один казахский домбрист...

Тогда, в 1939 году, на Всесоюзном конкурсе в Москве, Дина получила почетное звание лауреата и первую премию.

...В юрте Джамбула я слушал скромный рассказ этой замечательной женщины о ее большой и красивой жизни. Когда она кончила говорить, Джамбул, коснувшись пальцами струн домбры, тихо произнес в наступившей тишине, обращаясь к Дине:

— Много лет прожил я в долинах Или забытым, бесправным и нищим. Больше полвека прожила на берегах Урала ты забытой, бесправной женщиной. Скажи, Дина, кто нас вывел в люди, кто открыл простор нашим песням, кто принес счастье нашему народу?

И, словно отвечая на свой вопрос, он ударил по струнам и запел:

«Сталин в сердце ласку льет,
В песнях радостных живет,
Он — великий вождь народа,
И о нем народ поет.
Степь в мелодиях домбры
Для него несет дары.
Сталин — сила наших песен,
Мысли пламенный порыв!
Без него глуха струна,
Песня без него бледна».

Эту песню и эту незабываемую встречу я вспомнил нынче, в июньский вечер 1948 года, увидев Дину, окруженную шумной, звонкоголосой толпой своих учениц.

Им, молодому, радостному поколению сталинского племени, передает Дина в Казахской государственной филармонии свое замечательное мастерство. Два ордена Трудового Красного Знамени на груди народного композитора. Дине 87 лет, но она, решительно отталкивая от себя старость, гордой и твердой походкой идет в молодой семье строителей коммунизма.

Дина Нурпеисова и Джамбул.

Фото М. Галкина.

Алма-Ата.